

16. *Солдатова, Г. В.* Психология межэтнической напряженности / Г. В. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
17. *Коротеева, В. В.* Воображаемые, изобретенные и конструированные нации: метафора и проблема объяснения / В. В. Коротеева // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 3. – С. 29–33.
18. *Кара-Мурза, С. Г.* Демонтаж народа / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2007. – 704 с.
19. *Хренов, Н. А.* Э. С. Маркарян о роли традиций в социокультурной эволюции / Н. А. Хренов // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: сб. науч. статей посвященный 80-летию Э. С. Маркаряна / под общ. ред.: А. В. Бондарева и Л. М. Мосоловой. – СПб.: Изд-во СПбКО, 2010. – С. 64–67.
20. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофман, примечания В. В. Сапова / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
21. *Мнацакян, М. О.* нации в современном глобальном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории / М. О. Мнацакян. – М.: Анкил, 2011. – 324 с.
22. *Ключевский, В. О.* Сочинения в девяти томах. Курс русской истории / О. В. Ключевский. – М., 1987. – Т. 1. – 448 с.
23. *Сміт, Э.* Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі / Э. Сміт. – Мінск: Беларускі фонд Сораса, 1995. – 272 с.
24. *Тишков, В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 542 с.

(Дата подачи: 21.01.2016 г.)

Е. Г. Абраменко

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, Гомель

E. Abramenko

Gomel state university of F. Skoryna, Gomel

УДК 94:321.72:328(4-191.2+4-11)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

SOME ASPECTS OF FORMATION OF PARLIAMENTARISM AS A POLITICAL INSTITUTION IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Данная статья посвящена особенностям становления парламентаризма как политического института в странах Центральной и Восточной Европы в период трансформации политической системы. Особое внимание уделяется влиянию экономических, политических и социокультурных факторов на выбор модели перехода, а также на процесс адаптации и нормального функционирования парламентаризма.

Ключевые слова: политический институт; парламентаризм; парламент; трансформация; постсоветское пространство; страны Центральной и Восточной Европы.

This article is devoted to the peculiarities of formation of parliamentarism as a political institution in Central and Eastern Europe in the period of transformation of the political system.

Particular attention is paid to the influence of economic, political and socio-cultural factors in the choice of a model of transition, as well as on the process of adaptation and the normal functioning of parliamentarism.

Key words: political institutions; parliamentarism; parliament; transformation; post-Soviet space; Central and Eastern Europe.

Проблема становления и развития парламентаризма как политического института находится в рамках исследования переходов к демократии. Политический институт парламентаризма стал существенным фактором политического развития, которое определяет способность политической системы эффективно адаптироваться к новым условиям. Парламентаризм функционирует в сложной системе взаимосвязей, образующихся в политическом пространстве. Данный политический институт взаимодействует с органами государственной власти и может становиться объектом влияния различных политических сил. Все это требует рассмотрения парламентаризма как одного из участников современных политических процессов и одну из центральных составляющих политической системы.

Однако, отсутствие стабильности политических институтов в государствах, переживающих период трансформации политической системы, который определяется отсутствием опыта функционирования в новой политической среде, становится предметом дискуссий, посвященных условиям и политико-правовым институтам, способствующим демократизации политической системы, а также особенностям взаимодействия парламентаризма с институтами исполнительной власти.

Т. Карл и Ф. Шмиттер выделили четыре модели перехода к демократии в зависимости от сочетания главных параметров: ведущих акторов в процессе перехода (элиты или массы) и стратегии переходов (компромиссные или силовые).

Стратегии переходов, носящие компромиссный характер:

- «Пактированный переход», при котором основными акторами выступают элиты;

- «реформистский переход», основные акторы – массы.

Стратегии переходов, носящие силовой характер:

- «Революционный переход» во главе с массами;

- «навязанный переход» под руководством элит [1, с.13–14].

Определенное влияние на осуществление варианта перехода оказали такие факторы, как наличие либо отсутствие элементов гражданского общества, а также частного сектора экономики. В Польше, где существовал влиятельный независимый профсоюз «Солидарность», и в Венгрии, где существовало оппозиционное движение, был осуществлен «пактированный» переход. В Чехословакии деятельность «Хартии 77» и других гражданских инициатив оказала влияние на реализацию «реформистского» перехода. Данные условия оказали немаловажное влияние на процесс и способы разрешения политических конфликтов в процессе демократического перехода [2,

с. 134, 137]. Отличительной особенностью политической трансформации в Чехословакии, Венгрии и Польши явилось то, что данный процесс возглавила новая политическая элита, а не представители прежнего режима.

К стратегиям переходов, носящим силовой характер, относятся «революционный» переход в Румынии и «навязанный» переход в большинстве стран постсоветского пространства и Болгарии. В этих государствах оппозиционные течения и группы не сформировались, поэтому во главе демократических транзитов стояли представители реформистского крыла старой партийной элиты.

Необходимо отметить существенную роль в процессе транзита законодательных и представительных органов. Они в большинстве случаев становятся местом, где достигается межэлитное согласие о стратегиях демократических изменений. Парламенты сыграли центральную роль в принятии новых демократических конституций, которые определили новые формы государственного устройства, а также в выработке направлений социально-политических и экономических реформ [3, с. 51–52].

Тем не менее, на данном этапе можно говорить о значении парламентов, так как становление и развитие политического института парламентаризма является более длительным процессом.

В процессе демократических трансформаций конца XX в. западные политические институты, включая парламентаризм, были импортированы в общественно-политическую систему стран Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства.

В переходный период в значительной части стран Центральной и Восточной Европы утвердилась форма парламентской (Венгрия, Латвия, Словакия, Чехия, Эстония), а также смешанной (Болгария, Литва, Польша, Румыния, Словения) республики. Данный выбор объясняется такими причинами, как исторические традиции ряда государств, в которых существовали начальные элементы парламентского режима (парламентские монархии); положительный опыт стран Южной Европы, где в результате перехода к демократии были установлены парламентские республики или монархии; стремление к децентрализации власти; плюрализм мнений и множество политических партий, для которых необходимым являлось создание коалиционного правительства, так как в условиях перехода они не всегда могли договориться; стремление прежней элиты завоевать в результате выборов парламентское большинство и вернуть утраченные позиции. Немаловажную роль в процессе трансформации в данном регионе сыграл международный фактор. Уже в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. (т. е. в начале перехода) большинство стран стремились к «возвращению в Европу», а ведущим условием вступления в Европейский союз является соблюдение демократических стандартов таких, как стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, права человека и защиту меньшинств и др. [4]. Эти требования являлись стимулом для соблюдения демократи-

ческих правил игры и совершенствования институтов для стран Центральной Европы.

В большинстве стран постсоветского региона, образовавшихся в результате распада СССР, в начале перехода доминирующая тенденция была другой и состояла в приоритете смешанной формы правления. В процессе утверждения поста президента, которому подчинялась исполнительная власть, парламенты начали терять влияние, а их лидеры выступать на первых ролях властного истеблишмента. Для постсоветского региона характерно противостояние таких ценностей, как демократия и сохранение стабильности. Данное явление объясняется двойной трансформацией: политической – созданием плюралистической политической системы; экономической – переходом к рыночной экономике, а также обретением независимости. Разрушение единого многонационального государства, дезинтеграция прежних связей, усиление конфликтности оказали существенное влияние на происходящие преобразования. Данные условия вызвали необходимость увеличения полномочий президента, что было закреплено в конституциях России, Грузии, Армении, Украины, Казахстана, Беларуси и др.

В последующее время оппозиция в Российской Федерации, Украине, Республике Беларусь, Армении и др. выступала с критикой президентской формы и в качестве альтернативы предлагала переход к парламентской или к той модели разделения властей, которая соответствует классической французской схеме. С этим связаны попытки конституционных реформ, представленные в ходе «цветных революций», а также событий в Украине зимой 2014 г., выдвигавших одним из центральных лозунгов изменение формы правления [5, с. 814].

Необходимо отметить, что становление политического института парламентаризма в переходных обществах сопровождается конфликтами между законодательной и исполнительной властями, а также между законодательным органом и президентом. Так, например, в начале 1990-х гг. в Чехии правительство, которое поддерживалось правящей коалицией в парламенте, проводило непопулярные социально-экономические реформы, чтобы избежать вотума недоверия и роспуска парламента, блокировало формирование Сената.

В Польше в 1997–2001 гг. избранному от социал-демократов президенту А. Квасневскому пришлось взаимодействовать с правоцентристским правительством. Президент неоднократно накладывал вето на законы, принятые Сеймом, и только один раз парламент его преодолел.

В Словакии в 1994–1998 гг. во время правления В. Мечьяра исполнительной власти удалось сосредоточить в своих руках контроль над всеми государственными институтами и СМИ, оппозиция была отстранена от законодательной деятельности, а президент был в конфликте с правительством.

В Венгрии в 1998–2002 гг. правительством В. Обрана были сделаны попытки уменьшить контроль законодательной власти над исполнительной.

Так, пленарные заседания парламента начали проводиться один раз в три недели (ранее проводились еженедельно).

До 2003 г. Конституция Румынии разрешала правительству принимать ордонансы, а также экстренные ордонансы, вступающие в силу немедленно и не нуждающиеся в одобрении парламента. В 2000–2002 гг. треть принятых законов были одобрением экстренных ордонансов [6, с. 25].

В Российской Федерации отношения между законодательной, исполнительной властями и президентом обострились и в 1993 г. переросли в вооруженное противостояние.

Таким образом, в государствах, где был осуществлен «пактированный» или «реформистский» вариант перехода и присутствовал опыт дискуссии (Чехия, Польша, Словакия) разногласия между законодательной властью (парламентом) и исполнительной (президентом и правительством) разрешались конституционным путем: через очередные выборы в законодательный и представительный орган или обращение в Конституционный Суд. В тоже время в странах с «революционным» или «навязанным» переходом конфликт между властями разрешался или через вмешательство извне (в Румынии право издавать экстренные ордонансы было отменено после рекомендации ЕС), или путем вооруженного противостояния (Россия).

Проблема подавляющего большинства стран ЦВЕ и постсоветских государств состоит в том, что созданные в данный период демократические политические институты, как правило, не опираются на прочные традиции. В результате растет неудовлетворенность их функционированием, которая приводит к недоверию. Существенная часть населения не может ждать, пока политические институты, созданные в интересах элиты, начнут функционировать в интересах общества.

По результатам исследований Евробарометра уровень доверия национальным парламентам за последние 5 лет не превысил 35 %. Так в 2011 г. он составил: в Болгарии – 20 %, Чехии – 12 %, Латвии – 14 %, Литве – 11 %, Венгрии – 28 %, Польше – 25 %, Румынии – 9 %, Словении – 10 %, Словакии – 25 %, Хорватии – 9 % (исключение составляет только Эстония, где в 2011 г. рейтинг доверия национального парламента составил 40 %), общий показатель уровня доверия национальным парламентам в странах Евросоюза – 27 %. В 2015 г.: Болгария – 14 %, Чехия – 17 %, Эстония – 35 %, Латвия – 21 %, Литва – 17 %, Венгрия – 30 %, Польша – 19 %, Румыния – 17 %, Словения – 11 %, Словакия – 29 %, Сербия – 29 %, Хорватия – 23 %, показатель по ЕС – 28 % [7; 8].

С другой стороны, падение значения национальных парламентов стран Центральной Европы связано со вступлением в Евросоюз. Уровень доверия Европарламенту выше, чем национальным парламентам и составил в 2015 г. в Болгарии – 45 %, Чехии – 31 %, Эстонии – 45 %, Латвии – 41 %, Литве – 60 %, Венгрии – 51 %, Польше – 43 %, Румынии – 59 %, Словении – 30 %, Словакии – 51 %, Хорватии – 53 %, общий показатель по Евро-

союзу – 38 %. Исключение составляет только Сербия, где уровень доверия Европейскому парламенту ниже, чем национальному – 25 % [8].

Стоит отметить, что в государствах, находящихся на территории бывшего СССР, характерна ориентация в большей степени на главу государства. Например, уровень позитивной оценки деятельности президента в России – 87, 1 %, парламента – 51 %; в Украине – 29, 5 % и 15, 5 % (данные на 2015 г.); в Республике Беларусь – 83, 5 % и 63 % (данные на 2014 г.); в Молдове – 21 % и 18 %; в Кыргызстане – 65 % и 38 %; в Казахстане – 88 % и 54 %; в Таджикистане – 86 % и 83 % (данные на 2012 г.) [9; 10; 11; 12].

Законодательная власть, по сути, скрыта от граждан, она проявляется только в форме законов, которые не всегда работают. Персонифицированность власти главы государства, его прямое взаимодействие с избирателями, приводит к тому, что именно эта власть воспринимается как реальная и правящая.

Немаловажное значение для становления политико-правового института парламентаризма имеет развитие гражданского общества. Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. стал началом формирования многопартийной системы. С одной стороны, партии внесли в политическую жизнь разнообразие и плюрализм. Но с другой – в условиях переходного периода политические партии фрагментированы. Так в Азербайджане по данным на 2002 г. насчитывалось более 20 партий, в Казахстане – 7 (до перерегистрации – около 30), в Кыргызстане – 27, в Молдове – 26, в Украине – более 274 (данные на 2014-2015 гг.), в России – 73, в Грузии – более 200, в Армении – 32, в Албании – около 50, в Болгарии – 45, в Венгрии – 150, в Литве – 37, в Польше – около 150, в Румынии – 43, в Сербии – 111, в Словакии – 25, в Словении – 22, в Хорватии – около 60, в Чехии – более 30, в Эстонии – 20. Также нужно сказать, что низовые партийные организации, которые своими корнями уходили вглубь общества, как правило, отсутствуют. В таких условиях многопартийность перестает быть проводником общественных интересов и потребностей. Поэтому уровень доверия политическим партиям достаточно низкий: в Болгарии и Чехии – 13 %, Эстонии 15 %, Латвии – 8 %, Литве и Румынии – 12 %, Венгрии и Словакии – 16 %, Польше – 14 %, Словении – 6 %, Сербии – 9 %, Хорватии – 15 % [8].

В таких условиях особое значение приобретают общественные организации, которые агрегируют и артикулируют нужды и требования населения. Уровень доверия институтам гражданского общества значительно выше, чем уровень доверия государственным органам и политическим партиям. Например, согласно опросам 2015 г., позитивное отношение к деятельности профсоюзов высказали: 44, 5 % опрошенных в Болгарии, 56 % в Чехии, 58 % в Эстонии, 51 % в Латвии, 73 % в Литве, 41 % в Венгрии, 57 % в Польше, 47 % в Румынии, 38 % в Словении, 52 % в Словакии, 49 % в Хорватии и 52 % в целом по Евросоюзу. В России одобряли деятельность профсоюзов – 38,8 %, в Республике Беларусь – 55 %. В Украине общественным организациям в целом доверяют 46,2 % [8; 9; 13].

Политический институт парламентаризма содействует созданию каналов коммуникаций между элементами гражданского общества и государственными органами. Так, например, в Болгарии при Народном собрании функционирует комитет по вопросам гражданского общества, в Румынии – Департамент отношений с гражданским обществом при Палате депутатов. В Словакии и Хорватии неправительственные организации часто привлекаются для экспертизы законопроектов. В Российской Федерации с 2004 г. действует Общественная палата.

Таким образом, в процессе демократических переходов конца 80-х– начала 90-х гг. XX века происходило становление демократических институтов (и среди них политического института парламентаризма) в государствах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР. Данный процесс происходил через импорт вышеуказанных институтов. В большинстве стран ЦВЕ (исключая государства Балканского региона) и Прибалтики парламентаризм утвердился достаточно быстро, что объясняется социо-культурными предпосылками, а также стремлением вступить в Евросоюз. В подавляющем большинстве постсоветских государств процесс становления и развития политического института парламентаризма сопровождается определенными сложностями ввиду отсутствия традиций.

Парламентаризм как один из демократических политических институтов становится действительно результативным только в результате процесса адаптации к условиям и традициям конкретного общества. Сложности в становлении парламентаризма объясняются не проблемой совместимости демократии и ее институтов с национальными традициями и нормами, а тем, что они могут стать эффективными лишь постепенно адаптируясь к политическим реалиям.

Сравнительный анализ переходных процессов в странах Центральной и Восточной Европы демонстрирует обусловленность динамики и характера институциональных преобразований, с одной стороны, характером перехода, а с другой – влиянием различных факторов: экономических, политических, национальных на механизм решения конфликтов между основными политическими акторами, возникающими на начальных этапах переходных процессов.

Список использованных источников

1. *Карл, Т. Л.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. – 2004. – № 4. – С. 6–27.
2. Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв.: аспекты общественно-политического развития: справ. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; отв. сост. Ю. С. Новопашин. – М.: Новый хронограф : Янович, 2003. – 270 с.
3. *Жамалдаев, Ш. В.* Роль парламента в демократизации политической системы / Ш. В. Жамалдаев, И. Н. Тарасов // Власть. – 2006. – № 3. – С. 51–56.
4. Copenhagen European Council // European Commission [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/enlargement_process/accession_process/criteria/index_en.htm. – Date of access : 28.01.2010.

5. Політична система для України: історичний досвід і виниклики сучаності / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України; рздкол.: В. М. Литвин (голов. ред.) [та ін.]. – Київ: Ніка-Центр, 2008. – 986 с.

6. Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы / Н. И. Бухарин [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. – М. : Наука, 2005. – 181 с.

7. Standard Eurobarometer 76. Public opinion in the European union. Fieldwork: November 2011 [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/yearFrom/1973/yearTo/2012/surveyKy/1069>. – Date of access : 17.01.2016.

8. Standard Eurobarometer 84. Public opinion in the European union. Fieldwork: November 2015 [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/yearFrom/1973/yearTo/2015/surveyKy/2098>. – Date of access: 17.01.2016.

9. Кому більше довіряють українці: владі, громадськості, ЗМІ.? - загальнонаціональне опитування // Фонд «Демократичні ініціативи» ім. Ілька Кучеріва [Електронний ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://dif.org.ua/ua/polls/2015a/komu-bilshe-doannja.htm>. – Дата доступа: 17.01.2016.

10. Одобрение деятельности государственных институтов 2015 // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/. – Дата доступа: 17.01.2016.

11. Республика в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь.; под общ. ред. В. О. Дашкевича. – Минск: ИАЦ, 2014. – 200 с.

12. Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства // Евразийский монитор [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-234.html>. – Дата доступа: 17.01.2016.

13. Одобрение деятельности общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/. – Дата доступа: 17.01.2016.

(Дата подачи: 28.01.2016 г.)

С. М. Алейникова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

S. Aleinikova

Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК: 271.2(470+571)-053.81

«РУССКИЙ МИР» КАК КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ

«RUSSIAN WORLD» AS A CULTURAL AND CIVILIZATIONAL CONCEPT

«Русский мир» (далее – РМ) – российский культурно-цивилизационный и политический проект, целью которого является объединение на основе общих традиций и ценно-